

К вопросу о роли «русского фактора» в развитии сербской государственности (1878–1903 гг.)

Проблеме становления и развития Сербского независимого государства в последней четверти XIX — начале XX вв. уделено значительное внимание в историографии. Сербские ученые, как в XX веке, так и в начале нынешнего, детально изучили различные вопросы и аспекты данной темы¹. Национальная сербская историография по проблеме оказывает неоценимую помощь российским специалистам в их исследованиях. Однако есть аспект, который может быть изучен лишь с привлечением многочисленных документов из российских архивов, — это роль «русского фактора» в развитии сербской государственности. Все серьезные ученые считали и считают эту роль весьма существенной. Еще Сл. Йованович, это «золотое перо» сербской историографии, как называли его современники, писал: «Россия и Австрия были такими же факторами нашей политической жизни, как и ... политические партии»². При этом «русский фактор» в истории независимой Сербии он оценивал негативно, и ни о каком положительном влиянии России на развитие сербской государственности рассматриваемого периода в его трудах нет и речи. Следует констатировать, что эти и подобные им утверждения (о вмешательстве России во внутренние дела Сербии, о диктате и т.д.) после Сл. Йовановича высказывались и продолжают высказываться в трудах сербских историков, как правило, без ссылок на источники.

Обширный документальный материал, выявленный в отечественных архивах в последние десятилетия, новые научные публикации позволяют убедительно, на наш взгляд, аргументировать иную позицию и дают возможность показать несостоятельность и голословность обвинений в адрес России и российской дипломатии.

80-е—начало 90-х годов XIX в. — важный период в развитии сербской государственности, когда во взаимодействии многих факторов рождалась новая Сербия. Провозглашение в 1878 г. государственного суверенитета страны поставило на повестку дня вопросы о переустройстве всех общественных отношений и утверждении новых гражданских и политических структур, а также о способе включения традиционного сербского общества в европейскую модель социально-экономического и политического развития. Отношения с другими государствами, в первую очередь, с Россией и Австро-Венгрией, являлись важнейшей составляющей данного процесса.

Позиция Петербурга по отношению к независимой Сербии вписывалась в общее русло балканской политики Империи, ориентированной на укрепление влияния в регионе путем поддержки молодых независимых государств. Эта политика, разумеется, учитывала собственные российские государственные интересы, в том числе отдаленные геополитические задачи.

После Берлинского конгресса 1878 г. Сербия начала переходить в сферу экономического и политического влияния Австро-Венгрии. Рост проавстрийской ориентации сербской правящей элиты являлся одной из главных особенностей развития независимого Сербского государства.

Причины утраты влияния России в Сербии носили комплексный характер. Наряду с субъективными (стремление князя Милана Обреновича заручиться поддержкой Габсбургской монархии при проведении им внутренней и внешней политики), существовали и объективные причины. К ним, прежде всего, относились крайне слабые экономические позиции России на Балканах, реакционный характер самодержавия, накладывавшийся и на сферу внешней политики, что настраивало против царизма прогрессивные круги балканского населения, и, наконец, усиление влияния иностранного капитала, захватывавшего командные позиции в экономике региона. При слабом развитии внутренних рынков сельскохозяйственных продуктов чрезвычайно важное для балканских государств значение приобретали рынки внешние. При

этом они испытывали нужду в промышленных товарах и капиталовложениях в развивающуюся национальную промышленность. Австро-Венгрия являлась главным торговым партнером всех балканских стран, исключая Грецию. Это и определило, в значительной мере, их внешнеполитическую ориентацию, в том числе и Сербии³. «Расчет Петербурга на “благодарность” освобожденных народов, — справедливо отмечает отечественный исследователь М.Ю. Золотухин, — строился на песке. В политике конца XIX века соображения морального плана не играли решающей роли. Для сохранения взаимности нужны были другие связи, прежде всего экономические. Относительная отсталость России не позволяла ей конкурировать на Балканах с более развитыми странами Запада. Сильные позиции здесь австро-венгерского капитала обеспечили преобладание австрийского влияния в Сербии...»⁴.

Вместе с тем Петербург не собирался полностью сдавать Вене свои позиции в Сербии, используя для этого различные «мирные» средства и опираясь на традиционные русофильские симпатии широких масс сербского народа.

Основополагающим для политики России в сербском вопросе в рассматриваемый период являлся тезис, содержащийся во вступительной части доклада Азиатского департамента МИД за 1881 год: «...Мы не можем безразлично смотреть, как этот (сербский. — С.Д.) народ, который нам обязан своим существованием и своей независимостью, становится сателлитом Австрии»⁵.

Такова была заявленная позиция. Но каким образом в сложившихся после Берлинского конгресса условиях выполнять поставленную задачу? И здесь, безусловно, главную роль должны были сыграть находившиеся в Сербии русские дипломатические представители во главе с министром-резидентом (позднее — посланником) Александром Ивановичем Персиани (1842–1896), прослужившим на этом нелегком посту почти 17 лет, начиная с 1877 г.

Прекрасно образованный, хорошо знавший Сербию, ее правителей и народ, особенности исторического развития Сербского государства, опытный дипломат, Персиани, следуя инструкциям из Петербурга, а иногда и несколько отклоняясь от их буквального выполнения, прилагал немало усилий, чтобы в непростой

и быстро изменяющейся ситуации в независимой Сербии способствовать поддержанию российско-сербских отношений на должном уровне, расширению, насколько это было возможно, российско-сербских связей, чем заслужил уважение в различных слоях сербского общества. Так, секретарь Й. Ристича Б. Петрович в своих воспоминаниях о главе тогдашнего сербского правительства назвал Персиани «искренним другом Сербии и корректным русским дипломатом»⁶.

Небезынтересно и другое высказывание о Персиани, принадлежащее русскому ученому-слависту П.А. Кулаковскому (1848–1913), в 1878–1882 гг. профессору русского языка и литературы белградской Великой школы. 31 мая 1879 г. он писал И.С. Аксакову в Москву: «Что касается наших дипломатов в Сербии, то они хороши. Персиани — горячий поклонник русского влияния на славян, поклонник славянской идеи, всем, что касается Сербии, очень интересуется. Конечно, он всё-таки чиновник петербургский, но благородство и прямота ставят, по моему мнению, его выше многих лиц подобного сорта. Всякая неудача политическая России его страшно бесит. Всё, что касается Сербии, что улучшает или путает отношения России к Сербии, его глубоко интересует. Он готов на всякую инициативу добрую»⁷.

Уже в первые годы существования Сербского независимого государства стало ясно, что в экономическом плане соперничать с Австро-Венгрией у России не получится. Это наглядно показала неудача в деле участия в строительстве сербской железной дороги — предложения российских компаний были отвергнуты. Торговля между двумя странами была незначительна. Оставалась политическая сфера. И здесь, учитывая реалии, сложившиеся к началу 1880-х годов в независимой Сербии, предстояло выработать новый курс политики в сербском вопросе.

А обстановка, в которой приходилось действовать российским дипломатическим представителям, была крайне сложной, о чем они постоянно писали в своих донесениях в МИД. В последние два десятилетия наши сербские коллеги издали немало мемуаров видных сербских государственных и политических деятелей 80–90-х годов XIX в.⁸, в которых ярко, убедительно и всесторонне передана атмосфера политической жизни Княже-

ства (с 1882 г. — Королевства) тех лет. Анализ этой мемуарной литературы позволяет сделать вывод о том, что Сербия после Берлинского конгресса — это не спокойная страна, вставшая на путь созидания и государственного строительства, а бурлящий котёл политических страстей, амбиций, активного сопротивления сербов чуждому новому, той «модернизации» и вхождению в Европу, которые ускоренными темпами стремились проводить король Милан Обренович и лидеры Напредняцкой партии.

Возникшие в начале 1880-х годов сербские политические партии — Напредняцкая («прогрессивная»), Радикальная и Либеральная — вместо политики амортизации общественных отношений и компромисса, вели беспощадную борьбу с теми, кто не разделял их позиций. Об этом свидетельствуют современники событий — как сербы, так и русские. Вот несколько примеров. Никола Крстич зафиксировал в своем дневнике: «...у нас политические партии... готовы перегрызть друг другу горло»⁹. Видный либерал Владимир Йованович свидетельствовал: «Бывало, что так называемая партийная борьба превращалась в самую дикую войну, во время которой не выбирались средства, лишь бы дорваться до власти и удержаться подле нее»¹⁰. «Потомки с трудом поверят, сколь сильно были накалены партийные страсти в наше время», — писал известный ученый и общественный деятель Милан Миличевич. А Владан Джорджевич, сербский премьер-министр в 1897–1900 гг., зафиксировал в своих мемуарах следующее: «Тяжела была судьба ответственных политиков в семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы XIX в. Страна тогда раздиралась борьбой вошедших в кровавый клинч нескольких партий; при этом каждая из них полагала, что она и есть хранилище сербского патриотизма»¹¹. А вот слова русского «свидетеля» этого партийного противостояния — П.А. Кулаковского, который писал в Москву И.С. Аксакову 3 марта 1882 г.: «Меня больно поражало всегда в Сербии то, что здесь партии ненавидят друг друга больше, чем общего врага»¹².

И в этих условиях приходилось действовать российским дипломатам. Нестабильность общественно-политической жизни Сербии, не в меньшей степени, чем австрофильский курс короля Милана, вызывала серьезное беспокойство МИД России. В усло-

виях обострения отношений с Болгарией в период после ее освобождения Петербург был заинтересован в сохранении относительного спокойствия в сопредельной стране и регионе в целом. Именно поэтому особое внимание в деятельности российских дипломатических представителей обращалось на «замирение» противостоящих друг другу лидеров политических партий и «утишение» партийных страстей — уже с конца 1870-х годов и особенно в преддверии конституционной реформы 1888 г. «Мы не упускали случая внушить вожакам... партий [в Сербии], что ... им надо воздерживаться, насколько возможно, от смут, могущих привести к внешним осложнениям»¹³, — отмечалось в Отчете российского дипломатического ведомства за 1888 год.

И эта позиция российской дипломатии, сохранившаяся и в 1890-е годы, представляется очень важной для политического развития независимой Сербии. Ее значение подтверждают многочисленные опубликованные и неопубликованные документы.

На протяжении всего обозначенного периода руководителям внешней политики Империи приходилось учитывать все факторы политической жизни Сербии, такие как король, партии, отдельные влиятельные деятели, настроения широких народных масс.

Александр III и его окружение не доверяли князю (королю) Милану Обреновичу, справедливо видя в нем главного «творца» и «вдохновителя» проавстрийского внешнеполитического курса, опору гегемонии Габсбургской монархии в Сербии.

Судя по пометам Александра III на донесениях А.И. Персиани из Белграда и другим источникам, действия сербского монарха, пошедшего против «державы-покровительницы» и собственного народа, настроенного антиавстрийски, вызывали в Петербурге неизменное порицание. Вместе с тем это была, по словам Милана, лишь «платоническая оппозиция»¹⁴, в чем наглядно проявлялся прагматизм политики России в отношении Сербии. Руководители внешней политики Российской империи не верили в искренность намерений Милана, делавшего в начале бурных для Сербии 1880-х годов (возникновение политических партий, борьба за конституционную реформу, деятельность оппозиции в скупшине, Тимокское восстание 1883 г.) попытки нормализовать ухудшавшиеся двусторонние отношения, особенно

после отставки и изгнания из страны в 1881 г. известного русофила митрополита сербского Михаила.

В связи с поражением Сербии в войне с Болгарией в 1885 г., когда страна переживала тяжелый внутривосточный кризис, а король Милан намеревался даже отречься от престола и поручить королеве Наталье возглавить регентство при их малолетнем сыне Александре, в Петербурге, судя по секретной дипломатической переписке, серьезно рассматривался вопрос о смене династии в Сербии.

Следует признать, что в этот период российская политика в сербском вопросе заметно активизировалась. Проанализировав сложившуюся обстановку и те последствия, которые, по мнению официального Петербурга, могло иметь отречение Милана от престола, министр иностранных дел России Н.К. Гирс направил в Белград указания, содержавшие как объяснение позиции его ведомства, так и программу действий в отношении Сербии на ближайшее время. Руководители российской дипломатии констатировали, что Россия, как и прежде, не может безучастно относиться к происходящему в Сербии. «Если ввиду уже несколько лет продолжающегося между сербским королем и народом разлада, — отмечалось в инструкциях Персиани, — мы и предпочитали до сих пор воздерживаться от прямого вмешательства в их взаимные отношения, то при этом мы руководствовались исключительно нежеланием обострять эти отношения и ускорять кризис, который мог бы повлечь неблагоприятные для Сербии последствия. Ввиду последних осложнений, мы считаем своевременным выйти из этого положения и употребить все зависящие от нас усилия с тем, чтобы, насколько возможно, обеспечить Сербию от грозящих ей опасностей». Весьма примечательным, на наш взгляд, является следующее положение инструкции Гирса: «Предшествовавший и несогласный с доброжелательными советами нашими образ действий короля Милана не может внушить нам ни малейшего к нему доверия. Ввиду этого Вам (Персиани. — С. Д.) ни в коем случае не следует принимать участия в усилиях других держав... примирить короля с народом»¹⁵ (подчеркивание мое. — С. Д.).

Приведенный документ представляется исключительно важным с точки зрения российско-сербских отношений рассматри-

ваемого периода. Впервые в дипломатической переписке глава внешнеполитического ведомства детально изложил позицию официального Петербурга в отношении короля Милана, учитывая изменившуюся обстановку. «Подвижка» руководителей российской дипломатии по этому вопросу не вызывает сомнений. Примечательно уже то, что он подробно анализируется, а Персиани получает детальные инструкции. Главным же является то, что если раньше, несмотря на негативное отношение к Милану Александра III и его окружения, он, тем не менее, признавался «единственно возможным правителем Сербии», то теперь официальный Петербург был уже не против его «ухода», легитимного, разумеется. Более того, в вышеприведенном документе как вполне реальная рассматривается возможность смены династии в Сербии: «В случае неизбежности отречения короля Милана, — наставлял Гирс Персиани, — австро-венгерское правительство решится, по всей вероятности, поддерживать права его сына под регентством королевы Натальи. Но, с другой стороны, весьма вероятно, что, вследствие внушенной королем Миланом к себе ненависти, часть сербского народа выскажется в пользу князя Петра Карагеоргиевича, который успел приобрести в Сербии известную популярность благодаря преимущественно родственному союзу с семейством князя Николая черногорского*. Мы не видим достаточных причин, — продолжал министр, — заранее высказываться в пользу которого-либо из двух означенных претендентов, и нам казалось бы, что нравственная поддержка наша должна быть обеспечена за тем из них, на стороне которого окажется большинство сербского народа и вступление которого на престол сопряжено с наименьшими потрясениями и волнениями»¹⁶.

Вопрос о смене династии в этот критический момент сербской истории стоял вполне определенно. В высших дипломатических сферах России данная возможность рассматривалась всесторонне. Персиани было предписано подробно изложить свои соображения «о замещении верховной власти в случае отречения Милана», что он и сделал в донесениях в МИД от 28 ноября (10 декабря) 1885 г. и 22 декабря 1885 г. (3 января 1886 г.).

---

* Потомок Карагеоргия князь Петр Карагеоргиевич был женат на старшей дочери князя Николы княжне Зорке (1864–1890).

По мнению российского министра-резидента, в случае отречения Милана возможны три варианта:

«1) Регентство без участия королевы; 2) Регентство, имеющее королеву Наталью во главе и 3) Перемена династии».

Персиани был убежден, что первый вариант был бы самым законным, но он неосуществим, «так как борьба партий дошла до такого ожесточения, что ни одна из них не допустит перехода верховной власти в руки политических соперников, без междоусобной войны».

Второй вариант Персиани считал возможным, но для интересов России в Сербии нежелательным, так как «своенравие и неустойчивость взглядов ее (королевы Натальи. — *С. Д.*) не представляют никаких гарантий для будущего...». «Прочнее других, — рассуждал он, — является кандидатура князя Петра Карагеоргиевича, но восшествие его на сербский престол сопряжено с затруднениями, которые прежде всего ему создаст Австрия лишь для того, чтобы доказать королю Милану, что она не забывает оказанных им услуг монархии. Поэтому нужно главным образом заручиться уверенностью, что австрийское правительство не воспрепятствует его избранию, прибегая к принудительным мерам, т.е. к военному вмешательству»¹⁷.

Возвращаясь к этому вопросу месяц спустя, Персиани высказался уже более определенно, отметив, что «лишь одна перемена династии могла бы дать нам возможность проводить в Сербии... политику, основанную на общих между Россией и Сербией интересах». Идею регентства, в том числе и во главе с королевой Натальей, он считал совершенно не состоятельной. В случае же перехода сербского престола к Петру Карагеоргиевичу Персиани полагал возможным влиять на него через его тестя, черногорского князя Николу.

Примечательно, что на сообщении Персиани, датированном 28 февраля 1886 г., о возможном отъезде из Сербии короля Милана Александр III написал: «Мне кажется, что кроме Карагеоргиевича нет другого кандидата»¹⁸.

В состоянии сильнейшего душевного расстройства в конце января 1886 г. Милан даже пошел на переговоры с Персиани, который уже давно не мог получить аудиенцию во дворце. Во время

встречи король заявил российскому дипломату, что разочаровался в проавстрийской политике и решил «возвратиться под могущественное покровительство России». Но тут же выдвинул свои условия: в случае «перемен», содействие Петербурга Сербии в деле увеличения ее территории, а также сохранение сербского престола за его сыном Александром. Если последнее неприемлемо, Милан желал бы, чтобы Александра «приняли в Россию, составили бы ему положение и обеспечили бы его в материальном отношении»¹⁹. В довольно сдержанном ответе из Петербурга отмечалось, что территориальные изменения не оправдываются обстоятельствами и противоречат международным соглашениям, но юный Александр всегда может рассчитывать на покровительство России²⁰.

Рассуждения о возможной замене на сербском престоле Милана так и остались всего лишь рассуждениями на страницах дипломатических документов, а Персиани неоднократно получал указания с Певческого моста быть осторожным и осмотрительным и не забывать о «миролюбивом» курсе России в сербском вопросе. Вместе с тем в высших сферах Петербурга не скрывали радости, когда секретной телеграммой от 21 февраля 1889 г. российский посланник уведомил МИД об отречении Милана. На телеграмме Александр III начертал: «Слава Богу»²¹. Персиани оценивал акт отречения как «победу русской политики в Сербии»²², как начало «новой эры» в истории межгосударственных отношений России и Сербии, ибо «бескровным путем», не вступая в открытый конфликт с Австро-Венгрией, был удален ее главный оплот. То, что с удалением Милана влияние Габсбургской монархии в Сербии пойдет на убыль, не вызывало сомнений.

Однако, как показали дальнейшие события, радость была преждевременной и по существу напрасной. Отрекшись от престола на 35-м году жизни и выехав из страны, Милан не собирался уходить из политики. В мае 1890 г. он вернулся в Сербию, внося свою лепту в очередной (из многих) политический кризис и дестабилизацию внутривнутриполитической жизни Сербского государства.

Александр III был возмущен этим и поэтому благосклонно отнесся к просьбе сербского правительства, которое в феврале 1891 г. возглавил глава Радикальной партии Никола Пашич,

ссудить 2 млн франков («под гарантию королевских имуществ, приносящих доход в 72 тыс. франков ежегодно»²³), ибо именно за эту сумму экс-король согласился отречься от всех прав члена правящей династии и выехать из Сербии. Правда, вначале император колебался (его слова: «Он, получивши эти 2 млн франков, надует и нас, и Сербию»)²⁴. Но затем всё же согласился. Сделка была оформлена через Волжско-Камский коммерческий банк и сохранялась в секрете. Милан обязывался выплачивать деньги по этой ссуде и окончательно отрекся от всяких попыток вернуться к управлению страной и вообще приехать в Сербию²⁵.

В этот период в МИД России возникла идея о принятии Милана в русское подданство — он сам высказал это желание в разговоре с Персиани. На Певческом мосту полагали, что таким образом можно было бы найти надежный способ закрыть ему путь в Сербию. Однако Александр III резко выступил против подобных планов, написав на документе под названием «Докладная записка о возможности принятия Милана Обреновича в русское подданство» (от 8 апреля 1891 г.): «Я бы очень желал отделаться от этой личности и вовсе не принимать его в подданство. Слишком много хлопот, неприятностей и осложнений»²⁶. Позднее, в феврале 1892 г., Милан сделал еще одну попытку стать подданным царя-мироотворца — с этой просьбой он обратился к послу России во Франции барону А.П. Моренгейму²⁷, но вновь безрезультатно.

Итак, получив огромные деньги, Милан покинул страну. Однако их ему хватило ненадолго, ибо «король-пройдоха», как его называли на модных европейских курортах, швырял франки направо и налево в многочисленных казино и на ипподромах. Предчувствие не обмануло Александра III — нарушив все договоренности, Милан 9 (21) января 1894 г. вернулся в Сербию и вскоре фактически стал соправителем своего сына.

Возмущению императора не было предела. 15 января 1894 г. товарищ министра иностранных дел В.Н. Ламздорф записал в своем дневнике: «Новости из Сербии далеко не хороши. Обстановка здесь осложняется, и весьма нелегко заниматься какими-либо предсказаниями относительно предстоящего развития событий. Молодой король Александр отныне не вызывает у нас большого доверия, и всё же очень важно не слишком нажимать

на него, чтобы не создать себе еще одного противника на Балканах, отбросив Александра в объятия Австрии»²⁸. А 25 января 1894 г. В.Н. Ламздорф сделал следующую запись, имея в виду настроения при дворе в связи с сербским вопросом: «Государь озабочен положением в Сербии и относится с резким неодобрением к молодому королю Александру. Он даже сказал: “Уж лучше бы Карагеоргиевичей вместо этих Обреновичей”»²⁹.

Особенностью российско-сербских отношений в 80–90-е годы XIX в. являлось то, что правящие круги России в своей политике в Сербии опирались не на законного монарха, вследствие крайне негативного отношения к его личности, а на те политические силы, которые были достаточно влиятельны и могли способствовать стабилизации политической жизни. Разумеется, при этом учитывалась их внешнеполитическая ориентация.

Напредняки («прогрессисты»), связанные торговыми и промышленными интересами с Веной, взявшие курс на «модернизацию» и «европеизацию» страны, в которых, по выражению Персиани, Габсбурги нашли «послушный инструмент своей политики»³⁰, не вызывали доверия в Петербурге, вплоть до середины 1890-х годов. Либералы во главе с Й. Ристичем в рассматриваемый период не имели почти никакого влияния в политической жизни Сербии. Вместе с тем «умеренность и постепенность» Ристича в ведении государственных дел, его мудрость и огромный опыт государственного и политического деятеля делали его в глазах Петербурга одной из главных фигур сербской политики, не считаться с которой было нельзя.

Что же касается Радикальной партии, то здесь мы имеем дело с типичным примером «подвижки», под влиянием политических реалий, в отношении официальной России к так называемой «революционной» партии. Открытые в отечественных архивах документы свидетельствуют о том, что вначале оно было настроенным и даже негативным. Опасения вызывали якобы «нигилистическое» прошлое ее вождей — последователей Светозара Марковича, а также «революционный» дух их программы. Отношение к радикалам менялось постепенно, по мере поступления из Белграда информации о деятельности их партии, антиавстрийская и антимилановская направленность которой импонирова-

ла российским правящим кругам. Постепенно, но достаточно быстро, так как уже в начале 1880-х годов Александр III, судя по некоторым его резолюциям на полях донесений Персиани, довольно благожелательно высказывался о радикалах и был явно настроен в их пользу. Так, на сообщении из Белграда от 21 января 1882 г. о том, что «оппозиция хотя и в меньшинстве в скупщине, но ведет энергичную борьбу с министерством», «отказалась подписаться на ответном адресе на тронную речь и даже не явилась во дворец», российский император начертал: «Утешительно»³¹. А на секретной телеграмме, посланной Персиани из Белграда в МИД 3 (15) июня 1882 г. с сообщением о том, что, несмотря на все попытки напредняков путем внеочередных выборов изменить состав скупщины, в нее постоянно избиралось «всё возрастающее число оппозиционеров», стоит одобрительная помета императора: «Прекрасно»³².

Именно А.И. Персиани, на наш взгляд, принадлежала главная заслуга в том, что официальный Петербург довольно быстро изменил свое отношение к Радикальной партии, которую в России стали также называть партией «сербских патриотов». В мае 1883 г. Персиани писал о «глубокой разнице, существующей между крайней либеральной партией в Сербии (еще одно название Радикальной партии, встречающееся в дипломатической переписке. — *С. Д.*) и европейскими революционными кружками»³³. Осенью этого же года дипломат с уверенностью заявлял: «Радикальная партия в Сербии ничего общего не имеет ни с так называемым русским нигилизмом, ни даже с духом крайних либеральных партий Запада»³⁴.

Ценным свидетельством является также характеристика радикалов еще одним очевидцем событий сербской истории начала 1880-х годов — уже упоминавшимся российским ученым-славистом П.А. Кулаковским. О Радикальной партии он писал следующее: «Несмотря на некоторые пункты, в которых эта партия выражала свои радикальные желания, программа ее в сущности очень умеренна, требует коренных реформ в стране и указывает правильный путь внешней политике Сербии...»³⁵. К письму И.С. Аксакову в Москву от 14 января 1881 г. Кулаковский приложил программу Радикальной партии. «Из нее Вы увидите, —

писал он, — что в сущности это своеобразные либералы-прогрессисты с оттенком фантастическим, но никак не коммунары и не наши нигилисты. Эта партия здесь довольно крепка теперь, и кто знает, не захватит ли в руки власть вскоре»³⁶.

Говоря о сербских радикалах, Кулаковский неоднократно подчеркивал, что они являются сторонниками укрепления дружественных отношений с Россией. Так, в письме к тому же Аксакову от 21–27 мая 1882 г. он утверждал, что радикалы «представляют здоровый элемент народности и из всех сил проповедают о спасении сербской народности от Австрии»³⁷. В одной из своих корреспонденций из Белграда в «Московских ведомостях» он, сообщая о работе сербской скупщины, не обошел вниманием радикалов, подчеркнув, что «названием радикальной партии... не должно смущаться, ибо ряды этой партии теперь постоянно пополняются просто патриотами, сербскими националистами. Между радикалами много священников и притом самых даровитых, самых видных...»³⁸.

После подавления Тимоцкого восстания 1883 г., когда под влиянием репрессий и гонений со стороны режима в Радикальной партии усиливается умеренное течение, выражавшее готовность к компромиссу с другими партиями в целях достижения власти, радикалы (их теперь называют «сербскими патриотами») начинают признаваться той силой, на которую Россия, в своем противостоянии с Австро-Венгрией, может опереться внутри самой Сербии и с помощью которой могут быть восстановлены дружественные российско-сербские отношения.

В Петербурге «сочувственно» относились к планам радикальных лидеров по ограничению личного режима короля Милана и проведению конституционной реформы, но неизменно сдерживали их стремление совершить в Сербии государственный переворот, считая его преждевременным, могущим привести к нежелательным внешнеполитическим «коллизиям».

Позиция российских официальных кругов прекрасно прослеживается в дипломатических документах. Так, в ноябре 1887 г. министр иностранных дел России Н.К. Гирс писал: «... О сербской радикальной партии мы судим в принципе на основании программы... Руководствуясь программой этой, мы далеки от

мысли приравнивать радикалов к русским нигилистам или западным ультралибералам, так как из означенной программы исключены все насильственные и незаконные действия... Напротив того, программа эта заслуживает внимания в том отношении, что она обеспечивает церковные каноны от всяких нарушений и требует сохранения традиционных отношений Сербии к России. Мы не можем отказать в сочувствии этим пунктам программы, и предубеждения наши относительно радикалов обуславливались исключительно доходившими до нас... слухами, что они намерены были... совершить насильственный переворот в Сербии». И в заключение Н.К. Гирс резюмировал позицию российской дипломатии: «Так как... радикальная партия умножается и будущность принадлежит ей, то нам казалось бы полезным не отталкивать ее от себя и даже поддержать доверие к России в тех ее членах, которые остаются верными своей первоначальной программе. При этом... в сношениях с сербскими радикалами следует соблюдать известную осторожность, дабы не дать правительству сколько-нибудь благовидного предлога упрекнуть нас в поощрении замыслов более беспокойных членов той же партии»³⁹.

Разумеется, Александр III и его окружение понимали, что радикалы выступают против короля Милана, чья австрофильская политика привела Сербию на грань экономической и финансовой катастрофы, к ухудшению российско-сербских отношений. С другой стороны, развитие событий в сторону насильственного свержения Милана было чревато серьезными международными осложнениями, которых так старательно избегала Россия по главе с царем-миротворцем уже почти десятилетие. И именно с этой позиции «внутренний переворот в Сербии» по-прежнему признавался «нежелательным». Вместе с тем, весной 1888 г., судя по дипломатическим документам, произошла некоторая «подвижка» в политике России. Так, в депеше А.И. Персиани от 11 марта 1888 г. выразалось беспокойство в связи с «неподлежащим никакому сомнению замыслом Милана» — покончить с радикалами. В этих условиях признавалось неразумным «советовать сербским патриотам подчиняться произволу короля, который довел страну до ее настоящего плачевного состояния и может подготовить ей еще худшую участь». В том случае, если переворот «назреет»,

согласно заявлению Н.К. Гирса, Россия будет вынуждена оказать содействие «вождям сербской партии», однако лишь в рамках «собственных интересов», ибо «Россия как великая держава имеет свое призвание и... не может дать себя отвлечь от своего пути совершающимися в государствах Балканского полуострова событиями, когда ее собственные интересы обязывают ее твердо держаться намеченной ею национальной политики»⁴⁰.

Впоследствии радикалы пользовались благосклонностью и поддержкой Петербурга, особенно в период их правления (1889–1892 гг.). Их деятельность на законодательном и экономическом поприще встретила полное одобрение, а радикальный режим был признан «удобным». Радикалам оказывалась всяческая помощь, а лидер партии Н. Пашич был весьма популярной и авторитетной личностью даже при императорском дворе. В свою очередь лидеры радикалов, стремившиеся в борьбе против Милана опереться на Россию, в своих контактах с представителями российской дипломатии старались подчеркнуть не свой «радикализм», а принадлежность к сербскому национальному течению, выступавшему против австрийской гегемонии, и стремление к проведению конструктивных реформ.

Следует отметить еще следующий момент. Лидеры всех трех сербских партий по традиции старались в своей деятельности заручиться поддержкой России, воспользоваться рекомендациями ее дипломатических представителей. Отношения с Россией являлись существенной частью внешнеполитических установок сербских партий. Для Петербурга, несомненно, это был важный канал влияния.

Определяющими принципами России в ее сербской политике на протяжении всего рассматриваемого периода были невмешательство во внутренние дела Сербии, поддержка стабильности и «государственного порядка». Но на каждом этапе они, эти принципы, могли привести к успеху на разных путях в силу того, что ситуация в Королевстве быстро менялась. Поэтому России приходилось опираться на различные политические силы в этой стране. Так, с середины 1890-х годов развитие сербской государственности характеризовалось усилением позиций напредняков. В этот период лидеры напредняцкой партии отошли от

австрофильского курса и стали проводить политику, нацеленную на освобождение от «опеки» Габсбургской монархии и восстановление дружественных отношений с Россией. Во внутренней политике их усилия были направлены на укрепление государства и принятие новой конституции. Поэтому в Петербурге сочли возможным поддерживать в этих условиях не только радикалов, но и сербских «прогрессистов».

В результате проведенного исследования общий вывод представляется следующим:

Несмотря на изменение после 1878 г. внешнеполитической ориентации сербских правителей и охлаждение в отношениях двух стран, Россия, заинтересованная в поступательном развитии независимой Сербии и укреплении ее суверенитета, в отдельные периоды играла в этом процессе значительную роль. Следует при этом подчеркнуть, что Россия «отошла» не от Сербии и ее народа, а от белградского режима, ориентировавшегося на Вену и пренебрегавшего национальными интересами страны. В Петербурге справедливо полагали, что режим — дело преходящее.

В рассматриваемый период политика России в отношении Сербии была достаточно осторожной. И хотя король Милан Обренович видел практически во всем происходящем в стране «руку России», это не соответствовало действительности. «Платоническая оппозиция» Петербурга проявлялась не только в отношении самого сербского монарха, но также сторонников его личного режима и их деяний. Вмешательства России в «сербские дела» как такового не было. Образно говоря, она дала возможность Сербии «вариться в собственном соку», что было весьма благоприятным обстоятельством для развития ее государственности. Вместе с тем, позиция, занятая Петербургом в связи с действиями сербского монарха, была важна для оппозиционных сил в борьбе против режима Обреновичей.

Следует признать, что правящая элита Российской империи в своей политике в Сербии не использовала всех возможностей для укрепления и развития межгосударственных отношений. В конце XIX в. уже было недостаточно «племенного и религиозного родства», которому традиционно придавалось большое значение. Весьма слабы были экономические связи, несмотря на

то, что предложения от предпринимателей, желавших получить правительственную поддержку, поступали; недостаточно широки были и общественные контакты, которым следовало бы придать больший размах, обеспечив им государственную помощь.

Примечания

- ¹ *Стојчић С.* Уставни развитак Србије 1869–1888. Лесковац, 1980; *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Београд, 1989. Т. II; *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1989; *Протић М.* Радикали у Србији. Идеје и покрет (1881–1903). Београд, 1990; Два века савремене уставности. Београд, 1990; *Љушић Р.* Србија 19. века. Изабрани радова. Београд, 1994; *Суботић Д.* Прилози за националну историју државе и права у 19. и 20. веку (до 1941. године). Књ. I. Београд, 1996; Нова историја српског народа (Уред. Д. Батаковић). Београд, 2000; *Крстић П.* Кнез и краљ Милан у мемоаристици // Историјски часопис. Књ. LIV. Београд, 2007; *Екмечић М.* Дуго кретање између клања и орања. Историја Срба у Новом веку (1492–1992). Београд, 2007 и др.
- ² *Јовановић Сл.* Влада Александра Обреновића. Књ. III. Београд, 1936. С. 388.
- ³ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 231.
- ⁴ Там же. С. 257–258.
- ⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Отчеты. 1881 г. Л. 25–25 об.
- ⁶ Јован Ристић. Биографске и мемоарске белешке од Бранка Петровића. Београд, 1912. С. 89.
- ⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 14. Д. 190. Л. 10.
- ⁸ *Јовановић Вл.* Успомене / Приред. В. Крстић. Београд, 1988; *Драшковић П.* Моји мемоари / Приред. Д. Батаковић. Београд, 1990; *Тодоровић П.* Дневник / Приред. Л. Перовић. Београд, 1990; *Тодоровић П.* Огледало. Знаке из прошлости / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997; *Тодоровић П.* Српска ствар у Старој Србији. Успомене на краља Милана / Приред. Л. Перовић. Београд, 1997; *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. III, IV / Приред. М. Јагодић. Београд, 2007; *Мијатовић Ч.* Успомене балканског дипломата / Прев. и приред. С. Марковић. Београд, 2008; *Пирочанац М.* Белешке / Приред. С. Рајић. Београд, 2009; *Михајловић П.* Дневници / Приред. Ј. Миловановић. Београд, 2010; Мемоари Т. Стефановића Виловског (1881–1920) / Приред. В. Крстић. Нови Сад, 2010; *Стојановић К.* Слом и васкрс Србије / Приред. С. Турлаков. Београд, 2012.
- ⁹ *Крстић Н.* Дневник. Јавни живот. Књ. IV. С. 267.
- ¹⁰ *Јовановић Вл.* Успомене. С. 484.
- ¹¹ Цит. по: *Шемякин А.Л.* Особенности политического процесса в независимой Сербии (1878–1918): между «национальным идеалом» и «гражданским обществом» // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС. 1878–1921 гг. М., 2016. С. 182, 202.
- ¹² Цит. по: Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства). Сост. А.Л. Шемякин. М., 2014. С. 158.
- ¹³ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1888 г. Л. 13 об.

- 14 20 декабря 1882 г. Персиани отправил в Петербург донесение, в котором сообщил о своем разговоре с королем Миланом в связи с обострением политической борьбы в Сербии, который выразил российскому дипломату недовольство за поддержку сербских либералов. «Я счел долгом, — писал Персиани в МИД, — просить короля разъяснить, к кому именно относится этот упрек, ко мне лично, или к политике императорского правительства. “Нет, — ответил мне король, — ни на Вас, ни на Ваше правительство я не могу жаловаться. Русская политика поддерживает оппозицию, но не действует против меня, это, так сказать, платоническая оппозиция (подчеркивание мое. — С.Д.)”». (АВПРИ. Ф. Политархив (далее — ПА). 1882 г. Д. 419. Л. 198–198 об.). Недовольство короля вызвал резкий тон российской печати, обвинявшей его в том, что он «сделался рабом австрийского правительства..., им подкуплен и т.п.» (Подробнее об этом см.: *Данченко С.И.* Русско-сербские общественные связи (70–80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 48–53, 59–61.
- 15 АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1885. Д. 76. Л. 67 об.–68 (Инструкции Н.К. Гирса А.И. Персиани датированы 20 ноября 1885 г.).
- 16 Там же. Л. 68–69.
- 17 АВПРИ. Ф. ПА. 1885 г. Д. 431. Л. 323 об.–325 об. (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 28 ноября 1885 г.).
- 18 Там же. Д. 434. Л. 62, 72.
- 19 Там же. Л. 24–27 об. (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 2 февраля 1886 г.).
- 20 Там же. Л. 57–59 об.
- 21 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 98. Л. 32.
- 22 АВПРИ. Ф. ПА. 1889 г. Д. 443. Л. 22 об.–23 (А.И. Персиани — Н.К. Гирсу 1 марта 1889 г.).
- 23 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1891 г. Д. 11. Л. 18 (Секретная телеграмма А.И. Персиани в МИД 25 февраля 1891 г.).
- 24 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891–1892 гг. М.–Л., 1934. С. 62.
- 25 АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1894 г. Д. 12. Л. 8–9.
- 26 АВПРИ. Ф. ПА. 1891 г. Д. 450. Л. 91–98 об.
- 27 См.: *Шемякин А.Л.* Милан Обренович — архитектор сербской перестройки? Полемические размышления // *Историки-слависты МГУ. Книга 7.* Х.Х. Хайретдинов. Исследования и материалы, посвященные 65-летию со дня рождения Х.Х. Хайретдинова. М., Изд-во МГУ, 2008. С. 195.
- 28 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894–1896 гг. М., 1991. С. 23.
- 29 Там же. С. 31.
- 30 АВПРИ. Ф. ПА. 1882 г. Д. 419. Л. 137 об.
- 31 Там же. 1882 г. Д. 420. Л. 2.
- 32 Там же. Ф. Канцелярия. 1882 г. Д. 10. Л. 37.
- 33 Там же. Ф. ПА. 1883 г. Д. 424. Л. 71.
- 34 Там же. Л. 134.
- 35 Московские ведомости. 6 ноября 1881 г.
- 36 Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом). Ф. 572. Д. 44. Л. 14.
- 37 ОР РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 2 об.
- 38 Московские ведомости. 10 июня 1882 г.
- 39 АВПРИ. Ф. Миссия в Белграде. 1887 г. Д. 78. Л. 40 об.–41 об. (Н.К. Гирс — А.И. Персиани 30 ноября 1887 г.).
- 40 АВПРИ. Ф. ПА. 1888 г. Д. 439. Л. 62–63.